

Евгений СТРЕЛКОВ

Тонкие белые линии вдоль обрыва –
пряжа, смотанная с веретена.
Береговая стена
испещрена
меловыми слоями.
Чайка в полёте курсирует от слоя к слою –
над речными полями –
сшивая древние времена
живую иглою.

Разговор по-чувашски во Введенском соборе
Торопливый шёпот –
две молодые чувашки в платочках –
явно прислужницы в храме или они – в хоре?
И лики с фресок барочных –
им вылитая родня.
И даже отрубленная голова
– страсти апостола Павла – явно
принадлежала чувашу.
И один другого краше
два плетёных коврика на стульях потёртых
напротив алтарной стены,
у столпа со Святым Христофором.
тесьмою пёстрой как речью шустрой
в общую ткань вплетены –
еле слышимым разговором.

Евгений Стрелков родился на Урале в 1963 году, окончил радиофизический факультет университета в Нижнем Новгороде. Художник, литератор, редактор альманаха «Дирижабль». Публикации в журналах, «Неприкосновенный запас», «Звезда», «Урал», «If» (Марсель), «Missives» (Париж), «Дружба народов», «Октябрь», «Новый мир». Автор нескольких книг стихов; книги эссе «Фигуры разума» (2015), соавтор (вместе с Эдуардом Абубакировым и Вадимом Филипповым) книги краеведческих этюдов «Ниже Нижнего» (2014). Живёт в Нижнем Новгороде. В «Волге» публикуется с 2009 года.

Лаишево

Устье Камы – плоский простор
мелководье, поросшее осокой,
с бакенами и каменными грядами
с островами, затонами.
Так перепутаны здесь
влага и суша, что белые ярусы
речного буксира принимаешь за церковь на берегу,
а баржу в затоне – за деревенские крыши.

И гряда камней с полосатым столбиком на вершине
и подошвой своей в воде.
В борозде волны кильватерной
вьётся речная трава.
Покрова Пресвятой Богородицы церковь
на склоне среди покрова
уже подлинно травяного.

И варвары говорили нам:
нет тут ни воды, ни суши,
ни моря, ни неба,
а одно общее огромное лёгкое коровье.
И запах травы, что ходит
волнами над лугом-рекой,
травы местами свежей – местами сухой.

И чайки сидят на песчаных косах,
как галки на проводах и столбах=укосах.

Испытатели мух

А. Мушинная почта

Заброшен сначала тайфуном истории на Урал,
где, казалось бы, совсем не его ареал,
Четвериков отправлен в точку слияния Волги с Окой –
где на время обрёл покой.
По облику – Жак Паганель из знаменитой книжки,
Таков же и по научной страсти –
несмотря на напасти –
48-й год, сессия ВАСХНИЛ –
всё-таки сохранил
учеников. Вот Тимофеев-Ресовский его не забыл,
переписка их длится многие годы.
Один – в бессрочной университетской вакации.
Другой, получив наконец глоток свободы,

изучает мутации
облученных солью урана трепетных дрозофил –
исчезновение с их испещрённых прожилками крыл
той или иной формации.

Пишут друг другу бисерным почерком,
чтоб мушиная почта доставила письма в миг –
фасеточный глаз мухи привык
к цифрам почтового кода.
Обременены болезнями, отчасти слепы,
год от года
оба смакуют познания нектар –
как две плодовые мухи.
Приближая торжество комплементарных пар –
несмотря на все муки.

Б. Двойная нить

Он.
Гудящий как целый хор –
недаром Четвериков назвал их семинар СООР –
совместное ование о дрозофиле.
подсчёт на крылышках тонких жил –
дотошный сей труд наложил
судьбы роковую печать.
Пришлось отвечать
на допрос с пристрастием. Итог – ГУЛАГ.
Барак для дистрофиков. Как же так
всё вышло? Но испытатель мух
исчислен, взвешен – и нужен – едва потух
рукотворный вулкан Хиросимы.
Он как бы воскрес в том пепле, попал в Миасс,
в секретный барак, где как раз сейчас
не щадя зрачков, у микроскопа затих,
исчисляя мух, улиток, рачков – словом, малых сих.

Она.
Страшно ему нужна.
Так было всегда, но сейчас особо:
стало трудно ему различать
в микроскопе печать
тайн природы. Лагерная слепота
даёт о себе знать, но спасает та,
что судьбой назначена
как Орфею, едва не сгнувшему в аду,
лучезарная Эвридика.
Гуанин, тимин, аденин –

с нею, с Лелькой, он не один.
Игра в четыре руки,
под микроскопом – мухи.
И как мушиные крылья легки
и проворны их руки.

В. Радийное золото

Словно промывка золота –
вода течёт из верхней ванны в нижнюю,
но не драгметалла пробы – изотопы
урана, лучевые стропы
невидимых парашютов радиации,
что накрыли эти пруды.
И их труды – выявление мутации.
ведь у каждой твари – по паре
нитей, сшитых в двойную вязь.
и где связь
между растворенной в талой воде
или в усталом дожде
радиоактивной солью
– и болью
твоей души?
Измеряй, вычисляй, пиши.
В нагрудных карманах – дозиметры,
в обиходе – «карандаши».

Г. Озёрные люди

Летняя школа на озере Миассово,
катакомбное знание
как у первых пустынников-христиан
окопавшихся на берегах Синая.
Здесь природа иная,
предгорья Урала: озёра, реки, леса.
Негромкие голоса:
учитель и ученики – на каникулах, из столичных вузов
поистине – из уст в уста.
Там, снаружи бесплодна, пуста
«мичуринская» наука.
Здесь обильна, полна и густа.

На границе зрения, на пределе слуха,
Тимофеев-Ресовский тянет тончайшую нить,
промытую от зла и фальши.
Сшить, что разорвано, генетику восстановить

в правах – и на всех парах
плыть дальше.

Д. Школа мух

Генетик-малOVER,
в продолговатой линзе,
ты различаешь мир чудовищных химер –
рентгена луч пробил
брешь в дээнка-структуре,
смешал рисунок жил
на крылышках, в текстуре
прибавил чёрточек,
и в кузов пуза уложил
премного новых сил
и вер.
У мух – мутаций пух,
и дух новаций – бремя.
Влетает бабочка – и отменяет время.